

«Мои любезные книги и книжечки...»

(Заметки о библиотеке М.И. Семевского)

Совершим, дорогой читатель, небольшое путешествие... Путешествие во времени. Перенесемся в Петербург прошлого столетия, в 80-е годы, и отправимся в тот уголок города, который некогда описал в романах Ф.М. Достоевский. В нескольких шагах от Никольского собора свернем на Большую Подьяческую улицу к дому № 7, собственному дому Михаила Ивановича Семевского. Можно прямо пройти в редакцию издаваемого им журнала «Русская старина», контору во дворе на первом этаже. Впрочем, нет. Сегодня среда?! Поднимемся в квартиру на второй этаж, ведь по средам с десяти до трех часов М.И. Семевский принимает у себя всех знакомых и незнакомых. Войдем в кабинет... Радушный хозяин не откажет в просьбе осмотреть библиотеку, он любит похвастать своими сокровищами. Откроем книжные шкафы... Коснемся рукой переплетов... Как много они могут рассказать о своем владельце...

Вся читающая Россия с 70-х гг. XIX в., со времени издания «Русской старины», знала о существовании библиотеки М.И. Семевского (1837-1892 гг.). Пользуясь правом редактора, он неоднократно упоминал о ней на страницах журнала. Библиотека насчитывала к началу 90-х гг. около 8 тысяч названий и была действительно уникальной. Он собирал ее всю жизнь, она и была его жизнью. 11 июня 1855 г. покупкой книг на толкучем рынке Петербурга восемнадцатилетний М.И. Семевский положил начало своей библиотеке. Обладая смолоду чутьем историка, никогда не упускал возможности пополнить собрание историческими (археологическими как называли в те годы) документами. Поэтому библиотека никогда не была чисто книжным собранием. Ско-

рее коллекция, куда на равных правах входили рукописи, гравюры, древние акты, автографы известных деятелей XVIII-XIX вв. В его библиотеке среди раритетов были и совсем необычные книги для сегодняшнего читателя - конволюты, созданные самим М.И. Семевским. Ныне это прочно забытый элемент книжной культуры, культуры чтения. А в те годы подобными конволютами особенно славился известный библиограф и пушкинист П.А. Ефремов. Основой ему служил том сочинений какого-либо писателя, к которому добавлялись газетные и журнальные вырезки, вписывались дополнения, исправления, иконографические материалы, заказывались печатные обложки. П.А. Ефремов делал это мастерски и поэтому часто вводил в заблуждение и современников, и позднейших исследователей, принимавших самоделки за неизвестные издания. Но это было не только его увлечение. В библиотеке М.И. Семевского, с которым, кстати, П.А. Ефремов приятельски сошелся еще в конце 50-х гг., тайно сотрудничая с А.И. Герценом,¹ также много конволютов. Самые интересные из них связаны с событиями жизни их создателя.

Библиотека М.И. Семевского как единое целое более не существует. Семья дважды выставила на аукцион значительные части собрания (в 1895 и 1903 гг.²), не считая отдельных случаев продажи рукописей, как правило, в Публичную библиотеку или известным коллекционерам, в частности П.Я. Дашкову.³ А после 1920 г., поступив на государственное хранение, она была разделена, как тогда широко практиковалось, между несколькими учреждениями. Обратимся к фондам двух петербургских книгохранилищ: Российской национальной библиотеки (РНБ) и Государственного музея политической истории России (ГМПРИ), где находятся те книги, о которых наш рассказ.

Кох Ольга Борисовна – кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник Государственного музея политической истории России (С.-Петербург).

Самое необычное «издание» из библиотеки - «Полное собрание сочинений М.И. Семевского», существующее в одном экземпляре, - конволют из его собственных сочинений, любовно собранных в десять томов. М.И. Семевский отличался удивительной аккуратностью. В его личном архиве хранились переплетенные в тома письма родителей, братьев, сестры.⁴ Переплетен был и весь архив «Русской старины». Видимо, это была семейная черта, поскольку в столь же аккуратных переплетах хранились и письма младших Семевских, собранные родителями, счета их личных денег, отчеты детей об учебе и прочее,⁵ что в других семьях просто шло на растопку каминов. Из десяти томника сохранилось лишь восемь (отсутствуют второй и третий тома),⁶ содержащие публикации с 1856 по 1867 гг. Со времени издания «Русской старины» Семевский более не занимался литературной деятельностью, и можно предположить, что здесь собрано почти все, что он хотел включить в собрание своих сочинений. К собранию сочинений было сделано приложение. В настоящее время известно два тома, хотя их могло быть и значительно больше. Это бумаги, протоколы, проекты, корректуры подготовленных документов, которыми М.И. Семевский занимался как чиновник. Первая книга - свидетельство его деятельности по подготовке реформы в Царстве Польском в 1864 г. По поручению Н.А. Милютина, возглавлявшего Комитет, под руководством А.Ф. Гильфердинга, впоследствии известного собирателя северного эпоса,⁷ М.И. Семевский готовил материалы для реформы школы. Он глубоко вник в проблему. Результатом явилась серия публицистических статей по вопросам образования.⁸ Тема эта была ему близка, к тому времени он уже успел зарекомендовать себя на педагогическом поприще. Дружба с педагогами-реформаторами К.Д. Ушинским, В.И. Водовозовым, Д.Д. Семеновым, практическая деятельность в Смольном институте и Педагогическом обществе, командировка от Министерства народного просвещения для ревизии народных училищ Псковской губернии в 1862 - 1863 гг.

составили ему славу прогрессивного педагога. На форзаце книги им была сделана соответствующая надпись: «Приложение к ПС сочинений М.И. Семевского к VII-му тому. Редакцией сего сборника, составленного А.Ф. Гильфердингом и напечатанного Н.А. Милютиным и занимающимся при его издании настоящей книги в мае 1864 г. М. Семевский».⁹ Аналогичный том появился в результате участия в комиссии для пересмотра устава реальных училищ, созданной в 1880 г.¹⁰ В том включены подготовительные материалы, представляющие обстоятельные ответы с мест на анкету, на многих листах документов есть заметки М.И. Семевского, сделанные карандашом, и черновые протоколы пяти заседаний комиссии в феврале 1882 г., написанные карандашом также его рукою. Привлечение М.И. Семевского в комиссию было связано не только с поиском толкового секретаря. Он состоял с 1878 г. почетным попечителем Великолукского реального училища и членом попечительских советов многих учебных заведений Великих Лук, Торопца и Холма и приглашен был как признанный авторитет в деле народного образования. Но вернемся к «Полному собранию сочинений».

Все тома имеют характерные переплеты, немного разные по оформлению. Так, крышки первого тома оклеены бумагой под шагрень, а четвертый - полностью выполнен из кожи с орнаментальным тиснением на крышках. Неизменным является лишь красный цвет и золотое тиснение на корешках. Внутри все тома оформлялись одинаково: имели рукописное оглавление, выполненное Семевским, с указанием номера и числа страниц на каждую статью. В каждом томе педантично подведен итог. Одна статья от другой отделялась несколькими белыми листами и нумеровалась в соответствии с оглавлением. Когда размеры вырезок не совпадали с книжным блоком, то листы подгибались. Если текст был вырезан из газеты, столбцы наклеивались на чистый лист, посторонний текст заклеивался. Так постепенно, по мере выхода в свет трудов своих, формировал Михаил Иванович и полное собрание сочинений. О раз-

новременном появлении на свет томов свидетельствуют различия в переплетах, но номер регистрации по библиотеке на все тома один - 1881. Так было заведено, одно название - единый номер регистрации в каталоге. Он появился, вероятно, в середине 1860-х гг., в период приведения библиотеки в порядок, что видно по пометам, сделанным на листах «Каталога» первого раздела библиотеки, хранящегося в Пушкинском Доме.¹¹ Тогда из этого раздела были изъяты рукописи, газетные вырезки. Основная же реформа состояла в формировании великого множества конволютов для удобства пользования библиотекой: по авторам, по темам, по изданиям.

Четвертый и десятый тома отличаются тем, что в них вклеены после оглавления фотографии автора. В четвертом две. Справа - визитка. Здесь Семевскому лет 25. Он облокотился на фолианты. Задумчив. В остальном молодой человек по моде 60-х гг. - характерная прическа на пробор, тонкая полоска усов. На второй, в размер открытки, сделанной на Мойке в фотографии С. Левицкого, - человек лет сорока с поредевшей шевелюрой, жиденькой бородкой и усами, внимательным, спокойным взглядом чуть прищуренных раскосых глаз. В десятый том вклеена визитка - здесь М.И. Семевскому лет тридцать, он выглядит вполне преуспевающим человеком. Среди страниц и в этих томах, да и во многих других попадаются трогательные находки - засушенные, хрупкие наши северные цветы, веточки плакучей ивы. Память о поездках к знакомым в Парголово или в Павловск к семье? О чем напоминали они владельцу полного и единственного в своем роде собрания сочинений? Впрочем, сентиментальность - черта характера, отмеченная многими, кто знал Семевского. Он не мог, например, говорить о любви к родине, не прослезившись.

К сочинительству Семевского склонил Аполлон Григорьев, познакомившийся с юношей в Москве в 1856 г. Он направил на литературное поприще и его однокашника по Дворянскому полку Константина Случевского, дебютировавшего годом позже.

Но А.А. Григорьев был плохим крестным отцом молодым гвардейским офицерам. Обоих безжалостно раскритиковал за их первые литературные труды А.Н. Добролюбов.¹² Удар был ошеломляющий: Случевский замолчал на многие годы; Семевский пережил язвительную критику лишь при поддержке отца - Ивана Егоровича. Псковский помещик, отставной штабс-капитан Иван Егорович Семевский, из-за скудости средств, приносимых родовым именем Федорцово, что располагалось в 20 верстах от Великих Лук, вынужден был для пропитания своего семейства служить управляющим в имениях более удачливых соседей. Человек он был по тем временам образованный, любил книги и в своем имении собрал библиотеку, которой особенно дорожил. Страсть к книгам и к сочинительству его второго сына Михаила¹³ была понятна отцу, и он по мере сил своих поддерживал его литературные устремления.

Неудач было много в начале творческого пути. Вступая на литературное поприще, Семевский пробовал себя в нескольких жанрах: исторические сочинения, путевые заметки, рассказы о крестьянской жизни (впрочем, последние приносили лишь огорчения). Рассказ «Покроймин» (включен в первый том под № 9) был возвращен из цензурного комитета с множеством пометок И.А. Гончарова, служившего тогда цензором.

Первая научная историческая работа Семевского «Несколько слов о фамилии Грибоедовых» (она открывает первый том) опубликована в 1856 г. в журнале «Москвитянин»,¹⁴ названном спустя многие годы М.П. Погодиным дедушкой «Русской старины». Тема была подсказана отцом, служившим в те годы управляющим в имении Хмелиты, Смоленской губернии, некогда принадлежавшем Грибоедовым. В подвале господского дома хранились фамильные бумаги, они и послужили материалом для статьи. Отец также помогал собирать фольклор для работы «Великие Луки и Великолуцкий уезд» (СПб., 1857.) (к сожалению, эти пословицы и поговорки не пропустила цензура). Михаил Иванович всегда с

любовью относился к родному Псковскому краю, собирал о нем материалы, часто писал.⁴⁵ Но это было его первое по-настоящему большое сочинение (211 страниц),¹⁶ результат длительной работы. Готовил он его тщательно, страдал, «что и вовсе не наступит той поры, когда буду писать право сказать что-нибудь существенное о плодах своих приятных и всяко отрадных для меня занятий» [литературных. - *О.К.*].¹⁷ А добравшись до конца работы, сообщал отцу: «Папенька! Ура! Да здравствует Михаил Иванович! 10 января [1857 г. - *О.К.*] отнес я Якову Ивановичу Ростовцеву большой труд мой под заглавием «Историко-этнографическое исследование о Великих Луках...» с приложением красноречиво и от всей души написанного письма».¹⁸

Я.И. Ростовцев, будучи начальником военно-учебных заведений, не только знал, но и опекал, по долгу соседа по псковским именьям, всех малолетних Семевских. Одних только Ивановичей в разные годы училось шесть человек, а были еще и Васильевичи, двоюродные братья. Ростовцев заметил Михаила на экзаменах. Понравилось выпускное сочинение - разбор мало тогда известной пьесы А.Н. Островского «Свои люди - сочтемся», и он пригласил молодого человека прочесть сей опус в кругу своей семьи. Сам Я.И. Ростовцев не был чужд литературе. Одно из его стихотворений в 1860 г. М.И. Семевский опубликует в «Отечественных записках».¹⁹ Но вошел Я.И. Ростовцев в историю не как сочинитель, а как предатель декабристов, на этом и сделал карьеру. Так что его утверждение: «...жил честно я, в котле страстей» - воспринималось современниками как неприкрытый цинизм. Даже родной сын Ростовцева считал, что отец грешен и искупить свой страшный грех может лишь самоотверженно послужив делу освобождения крестьян, и взял перед смертью с него клятву. Отец клятву сдержал, но непомерные труды в Редакционных комиссиях свели его в могилу.²⁰

Удивительно порою переплетаются человеческие судьбы! О Я.И. Ростовцеве поры вольнодумных мечтаний сохранилось много воспоминаний. В 1820 г. он читал у

себя дома барону В.И. Штейнгелю и К.Ф. Рылеву отрывок из своей трагедии «Пожарский», приготовленный для «Полярной звезды».²¹ А в 1862 г. в газете «Северное слово» появился некролог на смерть барона Штейнгеля,²² написанный М.И. Семевским и даже изуродованный цензурой (он был вызывающе смел, особенно для конца 1862 г.). Некролог появился 23, а 30 сентября государю Александру II было доложено, что П.Л. Лавров, М.И. Семевский, М.Д. Хмыров, участвуя в похоронах барона Штейнгеля, настояли на том, чтобы нести гроб на руках, и, поравнявшись с Петропавловской крепостью, против того места, где были повешены декабристы, требовали отслужить литургию и что генерал-майор Штейнгель, сын покойного, не допустил этого.²³

Но в июне 1855 г., когда М.И. Семевский читал свое сочинение, будущее было еще туманно. Видимо, тогда состоялось знакомство с сыновьями Ростовцева - Михаилом и Николаем, блестящая карьера которых была прервана из-за их либеральных убеждений. Любопытное примечание сделал М. Лемке в работе «Эпоха цензурных реформ»: Вслед за рассказом о закрытии в Петербурге в 1862 г. Шахматного клуба он отметил, что в тот же день в газете «Северная почта» был опубликован приказ об увольнении со службы флигель-адъютантов Его Императорского Величества полковников братьев Ростовцевых 1-го и 2-го; уволенные, будучи в Лондоне, посетили А.И. Герцена.²⁴ Видимо, не только Герцена посещали флигель-адъютанты, но и знаменитый Шах-клуб. Бывал там и М.И. Семевский. С Николаем Ростовцевым он поддерживал отношения долгие годы, и когда тот после отставки жил в Порхове, и когда служил военным губернатором в Самарканде. Н.Я. Ростовцев входил в редакцию «Русской старины».²⁵

«Мой меценат»,²⁶ как называл М.И. Семевский Я.И. Ростовцева, открыл для «мальчугана» в гвардейском мундире доступ в литературные салоны Москвы. В 1856 г., когда лейб-гвардии Павловский полк, в который был выпущен М.И. Семевский из корпуса, отбывал в древнюю столицу в связи с коро-

национными торжествами, Я.И. Ростовцев дал М.И. Семевскому рекомендательное письмо к А.Д. Галахову, издателю хрестоматии и составителю курса словесности для военно-учебных заведений, к тому же известному литератору. Содействовал Я.И. Ростовцев и началу его педагогической деятельности. Ученик был благодарен учителю и посвятил свой первый труд наставнику и благодетелю. «Меценат» благосклонно принял посвящение, в чем другим отказывал.

Но не все публикации молодого Семевского вызвали благосклонность Я.И. Ростовцева. Если бы было установлено в 1858 г., кто скрывается за подписью В. К-на, кто написал заметку «Спектакль в I Кадетском корпусе», скромный репетитор мог бы лишиться места. Статья не прошла незамеченной, как не прошел незамеченным и любительский спектакль, поставленный М.И. Семевским по пьесе Н.В. Гоголя «Женитьба», на котором присутствовал Александр II с семьей и высказал одобрение. За постановку прапорщика стали величать Михаилом Ивановичем, за подозрение в авторстве статьи удостоили выговора. В.В. Тимошук, его первый биограф, так и не ответила утвердительно на вопрос, писал ли Семевский эту заметку. Ответил сам автор, включив ее под № 7 в состав «Полного собрания сочинений». Но самого текста нет, и это единственный случай. Был ли Семевский так осторожен в юности, что не сохранил крамольную публикацию, или это просто случайность?

Всю жизнь в исторических исследованиях Михаил Иванович Семевский был верен теме Петра Великого. Первый раздел его библиотеки составляли книги, рукописи и выписки из архивов о царе. И умер Семевский, читая лекцию о великом реформаторе и его времени в Кронштадте.

Случилось так, что первое, что попало на глаза молодому исследователю, допущенному в государственные архивы в конце 50-х гг., были бумаги розыскных дел. Его поразила «живость» материалов, контрастировавшая с сухостью написанной Н.И. Устряловым «Истории царствования Петра Великого», наполненной архивными

ссылками. В восторг от архивов, ставших доступными в 1860-х гг., приходили и маститые ученые. Так, Н.И. Костомаров писал: «Вы не можете себе представить, какое это сокровище, и чего здесь только нет для всякого, кто бы желал освоиться с былою Русью... А Разбойничий приказ, потом переименованный в Сыскной! Какая масса всевозможных романов или, правильнее, источников для романов, драм, трагедий, комедий и пр. и пр. Вот где изучать народную жизнь во всех ее подробностях».²⁷

Опьяненный находками, М.И. Семевский сразу начинает публиковать материалы в очень поверхностной обработке. Журналы, выросшие в ту пору как грибы после дождя, с удовольствием печатали такие статьи, да и спустя 150 лет российские издатели вновь обратили внимание на труды М.И. Семевского. В настоящее время состоялось не менее десяти переизданий его произведений. Основу исторических сочинений М.И. Семевского составляли архивные источники, а дар писателя позволял сплести их в почти детективный сюжет. В короткое время увидели свет монографии «Царица Прасковья» (1861 г.), «Слово и дело (1720-1725)» (1861 г.), «Императрица Екатерина I и семейство Монсов» (1862 г.), «Сторонники царевича Алексея» (1861 г.), биография Евдокии Федоровны Лопухиной (1860 г.) и выдержали не одно издание при жизни автора.

«Из всего, что мне приходилось читать о прошлом России, я с наибольшим удовольствием читал Ваши исторические статьи, в которых дышит нелицемерная истина, внушающая полное доверие», - писал М.И. Семевскому декабрист М.А. Бестужев о статье «Елизавета Петровна», помещенной в «Русском слове» в 1859 г.²⁸ «Еще читал ли ты «Фрейлину Гамильтон» в «Отечественных записках» - я начинаю нервами ненавидеть Петра I», - писал А.И. Герцен к И.С. Тургеневу.²⁹ «Кажется, он особенно обиделся тем, что я не хотел читать его «Елизавету». Заглянув в первый лист, я увидел какое-то сыромятное произведение, чуждое, дерзкое и шарлатанское по цита-

там, - злобствовал Г.Е. Благодетель в письме к К.К. Случевскому, - поправьте его... в печати, но так, чтоб он почувствовал, что от литературной моли до истинного писателя - далеко. Это подлый человек по голове и по сердцу, и их надо давить прежде, чем из них образуются Булгарины». ³⁰ Булгарин из него не получился. И доказательств его подлости не обнаружено; напротив, Семевский бережно хранил все письма Благодетель, впоследствии редактора журнала «Русское слово», что во многом позволило сохранить его образ в истории, ³¹ а в конце 1880 г. заказал Ф.В. Духовникову собрать в Саратове (Благодетель был родом из Саратова и учился в семинарии вместе с Н.Г. Чернышевским) сведения о Григории Евлампиевиче для «Русской старины». ³² Резкие выпады были характерны для Благодетель, его «ндрав» был хорошо известен литераторам, почище цензора редактор вымарывал целые листы их творчества, заменяя своим, утверждая при этом, что исправил все к лучшему. ³³ Но не только Г.Е. Благодетель осуждал М.И. Семевского. «У Краевского нашел Семевского, - отмечал Г.Н. Геннади в «Прерванных записках для памяти», - который меня свел к себе, надавал своих оттисков. В «Отечественных записках» он напечатал статью интересную, но крайне грязную о фрейлине Гамильтон. Не следовало печатать в журнале». ³⁴ Противоположные оценки? Столь ли они противоположны? Или просто «нелицемерная истина» оказалась на поверку «крайне грязной», к чему не привыкла читающая публика. Такая история находилась под запретом, особенно история нового времени, поэтому закрыты были и архивы. «Это были склады полусгнившего бумажного хлама или хорошо устроенные кладовые, куда не проникал ни один нескромный взор, - так охарактеризовал архивное дело М.И. Семевский, столкнувшись с ним на практике. - Очень редко, совершенно случайно, выходили из этих кладовых в крайне скромных размерах новые сведения, большею частью, по запросу Августейшего их Хозяина. Поинтересовался, например, знать Николай Павлович о судьбе Артемия Волынского, о

судьбе Анны Леопольдовны, - и вот, чиновниками крайне секретно составлялись две, три записки и оставались в копиях на руках весьма немногих лиц. Дух нового времени вскрыл затворы». ³⁵ Представленные взгляду читателя дары «этих кладовых» способствовали «отрезвлению русского общества от устряловщины». М.И. Семевский трезво оценивал качество своих работ, но считал их полезными на момент издания, поскольку назначение их видел в том, чтобы быть «тараном, который пробивал цензурную, все еще плотно сплоченную стену. Десяток таких очерков образовал уже несколько значительную брешь в этой стене, что сквозь нее проходил весьма свободно целый ряд и более серьезных и более научных исследований, но все из области запретной, отечественной истории XVIII века». ³⁶ Правительство вынуждено было выставить цензурное заграждение - последовало распоряжение не допускать к печати «монографий о государях и государынях времени после смерти Петра Великого». ³⁷

В 60-е гг., когда политические процессы обретали часто литературно-публицистическую форму, голос Семевского был хорошо слышен в общем хоре. «Тогдашняя молодежь зачитывалась его журнальными очерками из русской придворной истории XVIII века, - отмечал современник. - Эти очерки были свободны от того псевдо-патриотического, докторального тона, каким отличались труды господствовавших у нас до того времени историков: Погодина, Устрялова, Вейдемейера и др. Мы увлекались Семевским потому, что раньше его никто не говорил таким языком... произведения сильно действовали на нервы новых читателей как пикантностью раскрываемых тайн истории, так и неслыханною до того времени смелостью суждений рецензента». ³⁸

Последствия появления исторических сочинений М.И. Семевского были порой непредсказуемы. В декабре 1862 г. П.А. Валув, министр внутренних дел, писал московскому генерал-губернатору П.А. Тучкову: «Здесь говорят, что будто бы в церквях Москвы, во время богослужения, читается недавно составленная особая молитва об

избавлении России от того затруднительного положения, в котором она будто бы находится в настоящее время». ³⁹ Московский митрополит Филарет ответил на запрос пространным письмом, быстро как-то разошедшимся по рукам, а затем и опубликованным. ⁴⁰ «Если бы на сие потребовалось объяснение, - увещевал Филарет, - справедливость требует сказать, что с некоторого времени мысли и учения противохристианские, противуправительственные особенно сильно распространяются в литературе»; ⁴¹ в подтверждение указал несколько «противуправительственных» произведений. Одно из них - статья М.И. Семевского «Петр Первый как юморист», ⁴² в которой речь идет о «всепьянейшем соборе». Изложенные факты теперь уже давно стали хрестоматийными и ни у кого не вызывают чувства оскорбления. Но тогда Филарет утверждал, что «такая литература вдруг оскорбляет и религию, и нравственность, и царский род». «То, что сие основано на современных письменных документах, не служит к оправданию, - продолжал митрополит. - Нечистоты существуют: но их выносить на улицу и показывать народу может решиться только лишенный здравого рассудка или потерявший всякое чувство приличия». ⁴³ Трудно поверить, что тот же человек в том же году утверждал, что «истину, хотя и печальную, надобно видеть и показывать и учиться от нее, чтобы не дожить до истины более горькой, уже не только учащей, но и наказывающей за невнимание к ней». ⁴⁴ Имела ли для М.И. Семевского эта публикация карательное следствие, неизвестно, но это было бы вполне логичным. ⁴⁵ Достаточно вспомнить о влиянии Филарета при дворе, ⁴⁶ чтобы оценить возможные последствия этого напутствия. Сам М.И. Семевский придавал особое значение письму Филарета. Оттиск из журнала был обозначен в каталоге его библиотеки и особо отмечен в списке «сочинений наиболее в каком-либо отношении замечательных». ⁴⁷

И уж совершенно неожиданным оказалось следствие от этой публикации, отмеченное в мемуарах И.А. Худякова. ⁴⁸

Оказавшись осенью 1862 г. в духовной цензуре по издательским делам, он не нашелся, что ответить на замечание, высказанное цензором архимандритом Сергием относительно господ литераторов, пишущих с исторической целью: «А вот, о Петре I позволили писать, вот последствия и оказались. - Какие же? - А вот как показали себя студенты в прошлом году». ⁴⁹ Видимо, он считал, что статьи, подобные статьям М.И. Семевского, способствовали бунту студентов в Петербурге в 1861 г. На этом остановимся. О каждой работе, вошедшей в «Полное собрание сочинений» М.И. Семевского можно писать много. Но обратимся к другим книгам.

Имея особое пристрастие к издательскому делу, М.И. Семевский из-за недостатка средств многие годы мог лишь мечтать о собственном издании. И только в 1870 г. ему удалось основать журнал на паях со своим родственником В.А. Семевским, официально числившимся редактором. С выходом в свет журнала библиотека превратилась в своеобразный архив «Русской старины», обеспечивающий издание на несколько лет вперед. Помимо этого, с годами образовался и архив редакции, о котором А.М. Унковский заметил, что «такой частный архив журнала уже большая заслуга». ⁵⁰ В собрании ГМПИР хранится комплект «Русской старины» в одинаковых красных переплетах, некогда принадлежавший М.И. Семевскому. ⁵¹ Многие страницы журналов испещрены надписями простым и синим карандашом. Редактор готовил переиздания отдельных номеров по имевшимся у него в библиотеке экземплярам. О постоянном успехе журнала при жизни издателя свидетельствовал неуклонный рост его подписчиков (с 2,5 тысячи до 6). Первые сборники за 1870 г. переиздавались трижды, а за 1872, 1876, 1880, 1884 гг. - дважды. Ни одно поколение историков не обошлось без ссылок на это издание. Забыто о М.И. Семевском многое: и то, что он был дельным чиновником и товарищем городского головы; и то, что все награды он получил по Министерству народного просвещения; что долгие годы курировал народные школы

Петербурга; и послужил делу Археографической комиссии. Не забыто лишь его любимое детище - «Русская старина». Приступая к созданию журнала, он поставил перед собою трудную задачу. В эти годы в России уже издавалось несколько исторических журналов со сходной программой (освещение «времени императорской России», как определил сам редактор), но имеющих ряд преимуществ перед новым собратом. «Русский архив» (1863-1912 гг.), под редакцией П.И. Бартенева, успел уже зарекомендовать себя как добротный исторический журнал. «Сборник Русского императорского общества» (1867-1915 гг.) - официальный, курируемый, как и само общество, августейшей фамилией, обладал правом обращаться к материалам государственных архивов, что было недоступно для частных изданий. «Русской старине» (1870-1918 гг.) предстояло вступить в конкурсную борьбу с маститыми соперниками, и она сумела выстоять. Успех зависел от личности редактора. М.И. Семевский приступает к редакторской деятельности сложившимся человеком, с определенными убеждениями и взглядами на назначение своего журнала. Он известен читающей публике как исследователь и как активный собиратель документов. Воистину гражданским подвигом его было побуждение к написанию мемуаров некоторых декабристов и их родственников. М.А. Бестужев заметил, что только настоятельные требования М.И. Семевского заставили его взяться за перо: «Вы один своим задушевным, благородным сочувствием к памяти покойных братьев и братьев сострадальцев нашего дела сумели расшевелить мою мертвенную апатию, мое безотрадное равнодушие к настоящему и будущему, мое недоверие к справедливому суду потомков». ⁵² Гражданская позиция Михаила Ивановича формировалась в конце 1850-х гг. Это было особенное время, «когда 15-ти-, 16-ти-летние юноши имели уже каждый свое определенное мировоззрение и ярко представляли себе характер своей будущей деятельности. Многие остались и поныне верны этому характеру, при всем разнообразии профессий, положения и во-

обще судьбы», - писал современник. ⁵³ Может быть, привлекательность «Русской старины» и состояла в том, что она затрагивала душевные струны поколения 1860-х гг. На страницах журнала, кроме исторических документов, появлялись материалы о деятелях культуры России (писателях, поэтах, художниках, артистах), творчество которых было пронизано гражданским пафосом. «Русская старина» навела общественное мнение на такие события в прошлом, которые представляли живейший интерес для современников... не только не отдавала архивной затхлостью, но обыкновенно называлась живой «Русской стариною». ⁵⁴

Одна из сложнейших проблем в борьбе за выживание журнала, с которой пришлось столкнуться редактору, как и всем редакторам всех российских журналов, - это цензура. Она свирепствовала всегда, но особенно в 1870-е гг. «В ожидании лучших времен, - не без сарказма писал об этом периоде издатель «Вестника Европы» М.М. Стасюлевич, - приходится обращать журнал в поваренную книгу, да и то надо остерегаться, чтобы не рекомендовать печь пироги в волшебном духе. За это может быть опять беда: увидят тут намек на революционные стремления». ⁵⁵ Революционные идеи мерещились цензорам во всем. Не избежал подобных обвинений и М.И. Семевский. Так, в 1878 г. ему пришлось вносить изменения в текст некролога о Н.А. Некрасове, практически переписать его заново. Он вспоминал, что «особенно встревожили цензуру следующие строки: «Некрасов обнажил перед глазами счастливых горожан и дворянской молодежи кровоточащие язвы крепостничества; муза Некрасова повела даже наших барышень и золотых юношей в курную избу, на пашню, орошаемую потом труженников». «Этим словам цензура придала такой смысл, - сетовал он далее, - который мне не приходил в голову, а именно, что я нахожу и как бы ставлю Некрасову в заслугу то, будто бы он именно подвинул этих ходебщиков в народ, которые являются туда с разными брошюрами и книжонками, менее всего понятными для народа». ⁵⁶

В набросках к несостоявшимся мемуарам М.И. Семевский отметил, что «вырезки начались с августовской книжки «Русской старины» за 1870 г., там был напечатан значительный отрывок из подлинной, бывшей у меня в руках записи князя М.Щербатова «О повреждении нравов в России».⁵⁷ Видимо, он запамятовал или не принимал мелкие замечания в расчет. Но еще в мартовской книжке 1870 г., как удалось обнаружить в экземпляре журнала из его библиотеки, М.И. Семевский сделал запись: «NB! Четыре листа эти перепечатаны по распоряжению цензуры как ниже значится».⁵⁸ Изменения были внесены в текст мемуаров Н.Г. Сигунова о графе Аракчееве. В 1878 г. с горечью заметил, что «у министра и по сей час лежат некоторые из материалов «Русской старины», попавшие к нему в кабинет путем цензурного препровождения еще в 1870 г.»⁵⁹ Особенно сердит М.И. Семевский был на М.Н. Лонгинова, возглавлявшего цензурный комитет с 1871 по 1875 гг. Известный московский библиофил слыл либералом, когда молодой литератор осмелился познакомиться с ним, и очень любезно отвечал в 1862 г. на письма и благодарил за присылку статей.⁶⁰ При переезде в Петербург счел возможным стать сотрудником «Русской старины», что не мешало ему ревностно исполнять свои служебные обязанности по отношению к журналу. Даже слишком ревностно! Поэтому М.И. Семевский с явным раздражением отмечал, что «в 1873 г. (октябрь) Лонгинов просто по капризу распорядился вырезать из этого издания, остановив книгу, один литературный дневник 1830-х годов, составлявший семь печатных листов, т.е. 112 страниц; а несколько месяцев спустя после смерти Лонгинова, с разрешения А.Е.Тимашева, этот вполне невинный дневник явился в той же «Русской старине». А что выделял тот же М.Н. Лонгинов с прекрасными «Воспоминаниями Татьяны Петровны Пассек»! Несколько раз сряду он вырезал их из книг «Русской старины», доколе наконец смерть Лонгинова не позволила, при том же А.Е. Тимашеве, выйти в свет этим замечательным запискам даровитой писа-

тельницы как на страницах «Русской старины», так и в отдельном издании».⁶¹ Судьба журнала, проходившего предварительную цензуру, по мнению М.И. Семевского, была предрешена: «изданию заранее была дана веревочная петля, в которую оно могло в весьма короткий срок с полным удобством затянуться и помереть».⁶² Поэтому, прибегнув к связям, он постарался избавить свою «Старинушку» от преждевременной гибели. «Перед одним из заседаний Государственного Совета, - вспоминал он, - в понедельник в так называемой «курилке», маленькой комнатушке, где курят и толкуют между собою старцы, члены Совета [заметим, что М.И. Семевский в ту пору был помощником статс-секретаря Государственного Совета. - О.К.], сначала Муханов, а потом Корф попросил Министра внутренних дел Тимашева освободить «Русскую старину» от предварительной цензуры. Тимашев попробовал сделать одно лишь возражение: «в однородном с этим издании - «Русском архиве», - сказал он, - г. Липранди, имевший многие тайные поручения от правительства, вздумал было печатать различные документы, из своей деятельности в качестве секретного агента в царствование императора Николая Павловича, а потому я не хочу освободить «Русскую старину» от предварительной цензуры, и что и она, того гляди, заведет у себя какого-нибудь Липранди и тот огласит подобные документы».⁶³ Для России было достаточно и одного! В 1872 г. в «Русской старине» появились материалы о деле Петрашевского. Бумаги прислал Иван Липранди! Усилия М.И. Семевского увенчались успехом, он получил желаемое право, и с него была взята подписка: «Я очень жалею, - вспоминал он, - что не имел и не имею текста этой подписки, но помню, что сущность заключалась чуть ли не в клятвенном обязательстве, что «Русская старина» отныне и впредь не будет печатать ничего, что касается до известий о низложении Петра III или о кончине императора Павла I».⁶⁴ Теперь вся ответственность лежала на редакторе, и волей-неволей он сам становился цензором. Тем не менее, готовые книжки журнала от-

правлялись в цензуру, и, если что-то казалось недопустимым, делались предупреждения, назначались штрафы, затем мог последовать запрет издания. Эту ситуацию шуточно описал Н.А. Некрасов:

*Отказавшись от милой цензуры,
Погубил я досуги свои, -
Сам читаю теперь корректуры
И мараю чужие статьи!*

*Потому что Валуев сердит;
Потому что закон о печати
Запрещеньем журналу грозит
Если слово обронишь некстати.*⁶⁵

Любопытно, что спустя 20 лет сам П.А. Валуев как автор попал в немилость. Печатание его дневника в «Русской старине» было приостановлено в январе 1892 г. М.И. Семевский по этому поводу в письме к А.Ф. Кони сожалел, что «в глубокую чашу всяких переживаний и переживаемого добавилось еще одно и немалое». В этом же номере была изъята статья о юности Н.Г. Чернышевского. «Думал ли граф Валуев, - восклицал М.И. Семевский, - некогда Юпитер и громовежник над русской печатью, что придет время, когда одними и теми же ножницами покорной ему когда-то цензуры будет он подвергнут «урезке языка» в обще с Чернышевским?»⁶⁶

Предвидя реакцию цензуры, при публикации переписки Екатерины II и Г.А. Потемкина заменил все имена литераторами NN. Подводя итоги такому препарированию текста, вынужден был признать, что такая публикация пригодна только для романистов.⁶⁷ Иногда он откладывал печатание в надежде, что наступит время, когда удастся это сделать. Но судьба вносила жесткие поправки в намеченные планы. Так, М.И. Венюков в предисловии к мемуарам, увидавшим свет только за границей, писал, что «издатель «Старины» М.И. Семевский

обещал мне обнародовать главу [о событиях в Польше в 1863 г. - *О.К.*] как только исполнится тридцать лет со времени моего пребывания там, но он умер раньше этого срока».⁶⁸ Потомки часто бросают упрек издателю в неточности воспроизведения текстов, особенно мемуаров, выправленных редактором.⁶⁸ Упрек справедливый. Но возможно ли было в тех условиях избежать искажений? Н.В. Шелгунов в 1881 г. после убийства Александра II писал: «Если бы вы знали, что делает цензура. Мы потеряли головы...» И далее добавил: «Бесцензурным, пожалуй, еще труднее...»⁷⁰ При всех промахах журнал был полезен обществу. «Русская старина» вошла даже в поговорку, теперь уже забытую, но когда-то «попасть в «Русскую старину» означало, что есть суд потомства.

Свидетельством ожесточенной борьбы с превосходящим во всех отношениях противником явились два тома вырезок из журнала за 1870-1880 и 1881-1886 гг.,⁷¹ результат деятельности цензора С.-Петербургского цензурного комитета Александра Григорьевича Петрова, опекавшего издание. Сегодня это бесценный материал, позволяющий судить о направлениях цензурных ограничений в 70-80-е гг. XIX в. Здесь собраны корректуры, вырезки с цензурскими заключениями и пометками самого М.И. Семевского. Мало кто из редакторов после неприятных и утомительных бесед в Комитете способен был собрать и сохранить тексты, отвергнутые цензурой. М.И. Семевский это сделал, и его библиотека, таким образом, пополнилась уникальными конволютами.

«Мои любезные книги и книжечки», - часто говаривал Михаил Иванович, обращаясь взором к полкам. Потребуется немало изысканий, чтобы определить, какими сокровищами он обладал.

Примечания

1. *Эйдельман Н.Я.* Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966. С.151.
2. *Тимощук В.В.* Михаил Иванович Семевский: Его жизнь и деятельность. СПб., 1895. Обложка; *Иваск У.Г.* Описание редких книжных знаков. М., 1905. С.255.
3. Отчет Императорской публичной библиотеки за 1900 и 1901 гг. СПб., 1905. С.252 - 253; Отчет Императорской публичной библиотеки за 1903 г. СПб., 1910. Приложение. С.132- 133.
4. ОР ИРЛИ, ф. 274, оп. 2, д. 8, 9.
5. Там же. Оп. 2, д.18.
6. ГМП ИР, ф. 14, ед. хр. 1772 - 1779.
7. *Гильфердинг А.Ф.* Онежские былины, записанные им летом 1871 г. М.-Л., 1949.
8. *Семевский М.И.* О применении русского алфавита к польскому языку // Русский инвалид, 1866, № 122; *Он же.* Замечательная попытка применения русского алфавита к польскому языку - заметка по поводу книги «Элементар» // Отечественные записки, 1866, № 12; *Он же.* Средние учебные заведения в Царстве Польском // Русский инвалид, 1866, №№ 301, 303, 304.
9. ОР ИРЛИ, ф. 274, оп. 1, д. 30.
10. Там же. Д. 417.
11. Там же. Оп. 2, д. 4607.
12. А.Н. Добролюбов писал: «...почти на каждой странице своей книжки обнаружил такое наивное неведение самых простых предметов, что он несколько не удивился бы, если бы увидел, что автор к числу особенностей Великолуцкого уезда причислил то, что там люди вверх головой не ходят» (*Тимощук В.В.* Михаил Иванович Семевский... С.67). Современные исследователи высоко оценивают работу Семевского. Написанная на основе «собственных натуральных изысканий объектов топографии древних Великих Лук и их следов», «она надолго сформировала представления об истории города и его топографии в прошлом, став своеобразным источником для исследователей - краеведов конца XIX - XX вв. (*Юрасов А.В.* Великие Луки в XII- XVII вв.: Историческая топография средневекового города. Псков, 1996. С.11, 14).
13. Всего в семье было 12 детей. Из них в живых 7: Владимир (1832-1867 гг.) - участник Крымской войны, в последние годы жил в Великих Луках, управлял на паях с другими братьями помещьем; Софья (1835 - ? гг.) - окончила Смольный институт, замужем за смоленским помещиком Лакшиным; Михаил (1837-1892 гг.) - историк, издатель журнала «Русская старина»; Александр (1838-1878 гг.) - участник студенческих волнений в С.-Петербурге в 1861 г., земский деятель в Перми и Великих Луках; Петр (1840-1893 гг.) - чиновник Государственного банка, земский деятель в Перми; Егор (1842 - ? гг.) чиновник; Василий (1846-1916 гг.) - историк, член ЦК партии народных социалистов.
14. *Семевский М.И.* Несколько слов о фамилии Грибоедовых //Москвитянин 1856, № 12. С.309.
15. В основном включены в VI т. «Полного собрания сочинений» за 1863 г. – ГМП ИР, ф. 14, ед. хр. 1775.
16. Цифра дана в подсчете М.И. Семевского – ГМП ИР, ф. 14, ед. хр. 1772.
17. ОР ИРЛИ, ф. 274, Оп. 1, д. 41, л. 560.
18. Там же. Л. 508.
19. *Семевский М.И.* Биографические заметки: А. Креницин, гр. Я. Ростовцев и В. Соколовский // Отечественные записки, 1860, № 5. С.292.
20. *Джанишев Г.* А.М. Унковский и освобождение крестьян. М., 1894. С.96.
21. Общественное движение в России в первую половину XIX в.Т. 1. СПб., 1905. С.302.
22. *Семевский М.И.* Кончина барона Владимира Ивановича Штейнгеля: Некролог (1783-1862) // Современное слово, 1862, 22 сентября.
23. Общественные движения... С.320.
24. *Лемке М.* Эпоха цензурных реформ: 1859-1865 гг. СПб., 1904. С.188.
25. Скончался Н. Ростовцев в 1897 г. на посту военного губернатора Самаркандской губернии. (Новое время. СПб., 1897, 16/28 августа, № 7711. С.9); Об издании с 1 января 1870 г. ежемесячного исторического журнала «Русская старина» // Русская старина, 1870, № 1. С.3.
26. ОР ИРЛИ, ф. 274, оп. 1, д. 41, л. 577.
27. *Мордовцев Д.Л.* Николай Иванович Костомаров за последние десять лет его жизни: 1875-1885 // Русская старина, 1885. Т. 41. № 12. С.647.
28. «М. Бестужев вообще очень преувеличивал значение исторических исследований Семевского», - констатировал М.К. Азадовский, издававший бумаги Бестужевых (Воспоминания Бестужевых / Редакция, статьи и комментарии М.К. Азадовского. М. - Л., 1951. С.435, 793).

29. Герцен А.И. Собрание сочинений в 30-ти тт. Т. 12. М., 1956. С.108.
30. Звенья: Сборник материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX в. М. -Л., 1932. С.343.
31. Варустин Л.Э. Журнал «Русское слово»: 1856-1866. Л., 1966.
32. Лебедев А.А. Николай Гаврилович Чернышевский: (Наброски к неизданным материалам) // Русская старина, 1912, май. С.302.
33. Варустин Л.Э. Журнал «Русское слово» ... С.60.
34. РО РНБ, ф. 179, д. 10, л. 1.
35. Тимощук В.В. Михаил Иванович Семевский ... С.104.
36. Там же. С.108.
37. Сборник постановлений и распоряжений по цензуре от 1720 по 1862 гг. СПб., 1862. С.482.
38. Агафонов Н. Из казанской истории. Казань, 1906. С.23-24.
39. Лемке М. Эпоха цензурных реформ... С.85.
40. Душеполезное чтение, 1863, № 1.
41. Лемке М. Эпоха цензурных реформ... С.88.
42. Семевский М.И. Петр Первый как юморист // Светоч, 1861. Кн. 9; вторично помещена в «Русской старине», 1872, № 6; в «Полное собрание сочинений» М.И. Семевского включена в Т. 4 за 1861 г. под № 53.
43. Лемке М. Эпоха цензурных реформ... С.89.
44. Письма Филарета к разным лицам светского звания. Т. 2. Тверь, 1888. С.106.
45. Известно, что весной 1862 г. М.И. Семевскому было на некоторое время запрещено посещать архивы (Эйдельман Н.Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М.,1966. С.445).
46. Митрополит Филарет был доверенным лицом царской семьи: Александр I посвятил его в тайну отречения от престола Константина; он составил Манифест на восшествие на престол Николая I; по желанию Александра II - Манифест 19 февраля 1861 г. и пр.
47. ОР ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, д. 4067.
48. Худяков И.А. - собиратель русского фольклора, более известен как революционер, проходил по делу Д. Каракозова.
49. Худяков И.А. Записки каракозовца. М.-Л., 1930. С.79.
50. Тимощук В.В. Михаил Иванович Семевский... С.11.
51. ГМП ИР, ф. 14, ед. хр. 1776 - 1825.
52. Воспоминания Бестужевых / Редакция, статья и комментарий М.К. Азадовского. М.-Л., 1951. С.440.
53. Кулябко С.Н. Воспоминания о Н.И. Пирогове // Русская старина, 1892, № 9. С.729.
54. Градовский Гр. Суд потомства: Памяти М.И. Семевского // Новости и биржевая газета, 1895, 10 марта, № 68. С.2.
55. Цитирую по: Кельнер В.Е. М.М. Стасюлевич и либеральная оппозиция в 70-х - нач. 80-х гг. XIX в. // Отечественная история, 1992, № 4. С.51.
56. ОР ИРЛИ, ф. 274, оп. 1, д. 16, л. 39 об., 40.
57. Там же. Л. 53.
58. ГМП ИР, ф. 14, ед. хр. 2426, л. 273.
59. ОР ИРЛИ, ф. 274, оп. 1, д. 16, л. 48.
60. РО РНБ, ф. 683, д. 27.
61. Русская старина. Т. 33. 1882. С.497.
62. ОР ИРЛИ, ф. 274, оп. 1, д. 16, л. 48.
63. Там же. Л. 51.
64. Там же. Л. 52.
65. Некрасов Н.А. Собрание сочинений в 15 тт. Т. 2. Л., 1981. С.244.
66. ОР ИРЛИ, ф. 134, оп. 3, д. 1516, л. 7.
67. Русская старина. Т. 16. 1876. С.33.
68. Венок М.И. Из воспоминаний. Кн. 1-3. Амстердам, 1895. С.3.
69. Симина Н.Г. Исторические документы на страницах «Русской старины» в 70-80-х годах XIX в. // Исследования по отечественному источниковедению: Сб. статей, посвященных 75-летию проф. С.Н. Валка. М.-Л., 1964. С.202-203; Лемке М. Политические процессы в России: 1860-е гг. Изд. 2-е. М. - Пг., 1923. С.58.
70. Шелгунов Н.В. , Шелгунова Л.П. , Михайлов М.Л. Воспоминания: В 2-х тт. Т. 2. М., 1967. С.373-374.
71. РО РНБ , ф. 683, д. 30,31.

М.И. Семевский. Середина 1860-х гг.
Из собрания ГМПИР. Публикуется впервые.

М.И. Семевский. Середина 1870-х гг.
Из собрания ГМПИР. Публикуется впервые.